

Ли Сичунь пошутил:

— Может, трещина — к добру? Вдруг скоро порог обьют сваты?

Старик Ли покачал головой:

— Есть и другое поверье: проклятие любовных невзгод.

Цинь Цзинь, услышав это, невозмутимо бросил взгляд на Ли Сянфу.

Ли Сянфу: «...»

И чего он на меня смотрит?

Сегодня тетя Чжан специально приготовила пару дополнительных блюд. За столом Ли Шаша то и дело опускал голову, сверяясь с выписанными в блокнот репликами.

Заметив это, старик Ли сочувственно спросил:

— Ну как, готов?

— Почти. Только немного нервничаю.

Ли Шаша не лгал. После обеда он продолжал усердно утыкаться в сценарий. Старик Ли подумал, что так он испортит зрение и осанку, и с намеком взглянул на Ли Сянфу, давая понять, что тот должен отвлечь мальчика.

— Надевай куртку, пойдешь со мной в горы, — с ходу потребовал Ли Сянфу.

Воздух после дождя был свежим. Задумавшись на пару секунд, Ли Шаша закрыл сценарий и послушно согласился.

В воскресенье желающих погулять в горах оказалось немало. Цинь Цзинь и Ли Аньцин тоже отправились с ними.

Трое красавцев совсем разного типа, собравшиеся вместе, привлекали к себе немало взглядов.

На середине склона Ли Сянфу вдруг усмехнулся. Шедший рядом Цинь Цзинь, услышав тихий смехок, спросил:

— Что такое?

Ли Сянфу указал на предсказателя впереди:

— В прошлый раз отец заплатил двести юаней, чтобы тот погадал Ли Сичунь.

Помнится, старик Ли тогда спросил, почему Ли Сичунь никак не встретит достойного человека. Прорицатель посмотрел на Ли Сичунь, а потом взглянул на меня и произнес: «Если Бог закрывает эту дверь, он обязательно открывает другое окно».

Выслушав эту историю, Ли Аньцин, который до этого молчал, задумчиво заметил:

— А ведь довольно точно предсказал.

Не просто проходимец, зарабатывающий на хлеб.

«...» Ли Сяньфу сменил тему и спросил Ли Шаша:

— Хочешь, попрошу его погадать тебе, пройдет ли завтрашнее выступление успешно?

Ли Шаша всерьез задумался над этой шуткой:

— Сначала я проверю, правду ли он говорит.

С этими словами он подошел к гадателю и спросил:

— Как думаете, кем я был в прошлой жизни?

Гадатель взмахнул рукой:

— У человека есть судьба, но нет прошлых жизней.

Ли Шаша покачал головой:

— Нет, у меня есть. В прошлой жизни я был кукушкой.

Кукушка занимает чужое гнездо: чьим ребенком он захочет быть, тем и станет.

У Ли Сяньфу дернулась бровь. Он подошел и силой утащил оттуда сорванца.

На этом гадание закончилось. Днем они еще заглянули в школу посмотреть на сцену, и день пролетел быстро.

На следующий день погода выдалась отличная.

Ли Хуайчэнь сел за руль и отвез всю семью в школу.

Элитные частные школы всегда устраивают пышные мероприятия, чтобы подтвердить свой высокий статус. Вот и в той, где учился Ли Шаша, главными фишками были летний лагерь и концерт в честь приема новичков, куда каждый год приглашали профессиональных ведущих.

Сегодня пришло много родителей, вся территория кишела людьми. В целях безопасности за кулисы строго запрещалось проходить посторонним — только актерам и гримерам.

Глядя на малышей с накрашенными, как красные яблоки, щеками, Ли Шаша в очередной раз порадовался, что не участвует в хоровом пении.

В гримерке было шумно и многолюдно. Поскольку в финале вечера выступала акробатическая труппа, взрослых крутилось немало, так что Ли Сяньфу ничуть не выделялся.

— Словно на тысячу лет назад перенесся! — произнес Лю Юй. На нем был шелковый наряд и высокая шапка — чистый образ богача древних времен.

Помимо него, пришел Чэнь Хань, а Ли Сяньфу также пригласил Шэнь Янь.

Для этой пьесы требовалось много массовки. Хотя Лю Юй привел с собой людей, их все равно не хватало. Поэтому еще несколько дней назад Ли Шаша нацелился на членов семьи Ли — всех, кроме старика Ли.

Взглянув на Ли Хуайчэня, который даже в простонародной одежде выглядел невероятно

величественно и богато, Ли Сяньфу подловил Ли Шаша и спросил:

— И как ты его уговорил?

— Не спрашивай, — ответил Ли Шаша. — А спросишь — отвечу: мы ведь любящая и дружная семья.

«...»

Чтобы не лишиться карманных денег, Ли Шаша посмотрел в сторону Ли Аньцина и быстро добавил:

— Хотя есть и исключение. Этот сам напросился.

— Мой второй брат?

Ли Шаша кивнул:

— Его дословная фраза: «Чем испытывать неловкость в зрительном зале, лучше самому заставлять смущаться тех, кто смотрит».

«...»

Опасаясь, как бы массовка не устроила забастовку, Ли Шаша раздал сценарии только сегодня утром. Впрочем, реплик там все равно было кот наплакал.

Лишь Ли Аньцин с самого начала по одному только названию пьесы понял, что спектакль будет непростым, и рассудил, что лучше участвовать самому, чем оставаться сторонним наблюдателем.

Зрительный зал постепенно заполнялся родителями. У директора были свои соображения, поэтому старику Ли отвели самое лучшее место по центру, а тот вдобавок пригласил кучу друзей и родственников.

— Минута на сцене — десять лет трудов за кулисами! — Старик Ли не скупился на похвалы внуку. — Этот ребенок, чтобы все получилось идеально, с утра до ночи правил сценарий.

— Настоящий вундеркинд! — вздохнул сидевший рядом старый друг. — Дети в его возрасте обычно только писать учатся, а он сам сценарии пишет.

Любопытство разгорелось не только у старика Ли, но и у многих других родителей.

При входе каждому вручали программку. Выступление Ли Шаша заметно выделялось среди прочих номеров:

Танец «Маленькие лебеди»

Хоровой проект «Завтра будет лучше»

Спектакль «Продать себя, чтобы похоронить отца»

...

Сразу видно — зрелище нерядовое.

Старик Ли раньше особо не расспрашивал про спектакль: для него это было словно распаковка подарка на день рождения — он ценил момент внезапного сюрприза.

— Старик Ли, а о чем этот спектакль? — поинтересовался приятель.

Старик Ли гордо ответил:

— Судя по названию, о тяготах простого народа в феодальную эпоху и восхвалении нового времени.

— Помнит о прошлых невзгодах и ценит нынешнее счастье! У этого мальчика большое будущее! — неожиданно вмешался в разговор родитель с переднего ряда.

Стоило людям найти общую тему, как они тут же сошлись, и обсуждение среди двух-трех человек быстро переросло в оживленную беседу со всеми вокруг.

Незаметно для всех спектакль Ли Шаша стал одним из самых ожидаемых номеров программы.

Подобные сольные заявки, как у Ли Шаша, были редким исключением, и учителя его не опекали. Поскольку семья была богатой, а сам номер коротким, его просто встроили в середину программы.

Даже вчерашняя репетиция проходила уже после того, как все остальные закончили: они лишь наметили свои позиции на сцене.

Ведущий вышел на сцену, свет в зале померк, и гул голосов стих.

Профессиональный ведущий сыпал остротами, поначалу смотреть было интересно, но к середине программы внимание зрителей начало угасать. Старик Ли весь вечер считал минуты и наконец дождался окончания хоровой песни.

Занавес плавно закрылся, а когда раздвинулся вновь, декорации на сцене были готовы.

Ли Шаша, облаченный в траурные одежды из грубой мешковины, стоял на коленях в луче прожектора.

Зрители в зале завороченно наблюдали за происходящим, но старик Ли начал испытывать легкое замешательство. Он, конечно, понимал суть, но ведь в древности те, кто продавал себя, чтобы похоронить отца, были бедняками и заворачивали покойника в простую циновку?

Однако на сцене стоял настоящий гроб, накрытый белой тканью.

Если уж есть гроб, зачем накрывать его тканью?

Подумав об этом, старик Ли покачал головой: спектакль ставят дети, не стоит цепляться к мелочам.

Печальная фоновая музыка в сочетании со световыми эффектами производила хорошее впечатление.

Поскольку Ли Шаша обладал весьма невозмутимым лицом и выражать эмоции на нем толком не умел, он просто постоянно держал голову опущенной и подрагивал плечами, имитируя рыдания.

Актерская задача была несложной: первые несколько минут требовалось лишь делать нужные движения вслед за закадровым голосом.

— На улице снуют прохожие, а бедный мальчик сидит на коленях, никем не замеченный. И в тот момент, когда со слезами на глазах он утирает слезы, кто-то наконец останавливается рядом...

Закадровый текст Ли Сяньфу записал заранее: он отлично умел менять голос, так что озвучка звучала невероятно эмоционально и проникновенно.

Остановившимся перед Ли Шаша человеком оказался Цинь Цзинь.

Согласно роли, Цинь Цзинь приклеил бороду, а гример благодаря искусной технике нарисовал ему морщины, сделав старше на несколько лет.

Цинь Цзинь положил серебро и собрался увезти мальчика к себе в поместье.

— Трос!

— Ветродуй, готовься!

За кулисами проинструктированный персонал четко отдавал команды.

Благодаря двойному эффекту белая ткань красиво взмыла в воздух, а стоявшие вокруг горожане прикрыли лица от ветра.

Когда порыв утих, взорам публики открылся прозрачный хрустальный гроб.

— А-а! — вскрикнул кто-то в зале. — Смотрите!

Сидевшие рядом невольно проследили за его взглядом и обомлели:

— Как... Как на свете может существовать столь пленительная красота?

— Я хочу купить его! — тут же сориентировался персонаж богатого купца.

— Нет, тот, кто внутри — мой!

Ли Шаша поспешно заслонил собой гроб:

— Нельзя! Это мой отец, которого я собираюсь похоронить! За него отдельная плата!

Под сценой старик Ли: «...»

<http://bllate.org/book/18300/1757530>